

Читатель

Энн Чаузи

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Энн Чаузи Читатель

<https://litres.ru/74619567>

SelfPub; 2026

Аннотация

Психологический триллер о природе творчества, семейной травме и цене завершения, где правда не имеет однозначного ответа, а последняя страница никогда не бывает последней.

Содержание

ГЛАВА 1. ПУСТАЯ СТРАНИЦА	4
ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ ЗНАК	17
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Энн Чаузи

Читатель

ГЛАВА 1. ПУСТАЯ СТРАНИЦА

Поздний вечер.

За окном — ноябрь. Тёмный, мокрый, с тем особенным холодом, который пробирает не через стекло, а сквозь стены, сквозь кожу, прямо в кости. Алексей сидел за компьютером уже третий час. Или пятый. Он перестал считать, когда допил очередную чашку кофе и понял, что ещё одна будет лишней — сердце и так колотилось где-то в горле, как птица, попавшая в клетку.

На экране — белая страница.

Word, Times New Roman, двенадцатый кегль. Вверху — название файла: «Безмолвие_финал_точно_финал_последний_блядь.docx». Внутри — ни строчки. Курсор мигал. Ровно, безжалостно, как кардиомонитор у умирающего.

Алексей провёл ладонью по лицу. Щетина — как наждачка. Три дня не бриться. Зачем? Никуда не ходил. Не звонил. Не отвечал на письма издателя.

«Не могу», — думал он. — «Не могу придумать ни строчки. Ни одного образа, ни одной фразы, которая не казалась бы мусором».

Он откинулся на спинку кресла. Потолок с жёлтыми разводами от старой протечки. Когда-то он хотел сделать двухуровневый потолок с подсветкой, выложить плиткой под камень стены, сделать кабинет «настоящим». Не успел. Теперь обои отходили от стен, как обгоревшая кожа, а на потолке расплывалось бурое пятно, похожее на карту какого-то выдуманного материка.

На столе — компьютер, клавиатура, мышь, кружка с остывшим кофе, пустая пепельница, стопка книг — Кинг, Лавкрафт, По и современные авторы, которых он втайне презирал, но всё равно читал.

«Когда я только начинал — идей было множество», — думал он. — «Помню, как сидел на съёмной квартире, за дерматиновым столом, и писал по десять страниц в день. Просыпался в три ночи — не от будильника, а от того, что в голове звучал чужой голос. Схватывал карандаш, не включая свет, и царапал на салфетках фразы, которые боялся забыть к утру. Однажды написал сорок страниц за ночь. А утром перечитал — и понял, что это бред. Но тогда мне казалось, что я касаюсь чего-то настоящего. Истории сами лезли в голову. Герои, сюжеты, диалоги — всё было там, под рукой, как воздух».

А сейчас?

Сейчас в голову лезла лишь банальщина.

Клише. Штампы. Фразы, которые он уже читал у других — у Кинга, у По, у современных авторов, которых он втайне

презирал, но читал, потому что больше нечего было читать. «Он стоял у окна и смотрел, как...» — как что? Как дождь падает? Как сосед выносит мусор? Как жизнь проходит мимо?

«Я выгорел», — подумал он. — «Я просто выгорел. Три года без новой книги. Три года я пишу один и тот же сюжет разными словами. И издатель это видит. И Маша это видит. И я это вижу. Все видят, кроме меня — потому что я слишком занят, делая вид, что всё нормально».

Он схватил со стола ручку. Красную, шариковую, с обкусанным колпачком. Начал крутить между пальцами — быстро, нервно, как всегда, когда не мог думать.

«Черновики». Где-то должны быть черновики. Те самые, которые он так и не дописал. Бросил на середине, потому что не знал, как закончить. Может быть, сейчас, когда он посмотрит на них свежим взглядом, они зацепят его. Дадут искру. Покажут, с чего начать.

Алексей выпрямился. Сердце кольнуло — не от страха, а от надежды. Той самой, которая бывает у утопающего, когда он видит берег.

Он свернул Word. Открыл «Облако». Начал рыться в папках.

«Архив» → «2021» → «Черновики».

Папки не было.

«Архив» → «2020».

Пусто.

«Архив» → «2019».

Ничего.

Алексей нахмурился. Он точно помнил — он хранил все черновики. Десятки файлов. Незаконченные рассказы, брошенные романы, наброски, заметки. Всё это было здесь — на этом компьютере, который он купил три года назад, когда переехал в этот дом.

Он начал рыться глубже. Открывал папки, закрывал, открывал снова. Использовал поиск. Вбивал слова: «черновик», «недописанное», «бросил».

Ничего.

— Да чёрт же ты такой! — рявкнул Алексей и ударил ладонью по столу.

Кружка с кофе подпрыгнула. Капли плеснули на клавиатуру. Алексей выругался снова — уже тише, сквозь зубы — и схватил салфетку.

«Где они? Где, блядь, мои черновики?»

Он вспомнил: когда переезжал, переносил файлы со старого ноутбука. Или не переносил? Чёрт, он не помнил. Может, они остались там — на старом, раздолбанном ноуте, который он где-то спрятал, потому что жалко было выкинуть.

Алексей встал. Кресло скрипнуло. Он прошёлся по кабинету — три шага до окна, три шага обратно. Потолок давил. Обои — смотрели.

«Старый ноутбук», — подумал он. — «Где он? Куда я его дел?»

Он не помнил.

Алексей вылетел из кабинета. В коридоре — полумрак. Только ночник у лестницы горел тусклым оранжевым светом. Он чуть не сбил с тумбочки вазу — ту самую, что Маша купила на распродаже в ИКЕА пять лет назад и теперь берегла, как реликвию.

— Маш! — крикнул он. — Маш, ты где?

— В гостиной, — донёсся её голос. Тихий, усталый.

Алексей влетел в гостиную.

Мария сидела на диване, поджав ноги, с книгой в руках. Ей тридцать пять, но сегодня она выглядела лет на сорок. Светло-русые волосы, обычно собранные в аккуратный пучок, сейчас были небрежно скручены, и выбившиеся пряди падали на лицо. На ней была его старая футболка с надписью «I survived the 90s».

Она подняла глаза.

Взгляд — усталый. Не просто усталый — напряжённый. Как у человека, который слишком долго держит что-то внутри и боится, что вот-вот не выдержит. Под глазами — тени, не такие, как у него (его — от бессонницы, её — от чего-то другого, от того, что копится годами). Кожа вокруг глаз — тонкая, с мелкими морщинками, которых ещё не было три года назад. Губы — сжаты, не от злости, а от привычки не говорить лишнего.

Она смотрела на него — и в этом взгляде было всё: и усталость, и терпение, и что-то ещё, чего он не мог назвать. Мо-

жет, покорность. Может, обида, которую она давно перестала прятать. А может, просто вопрос, на который она боялась услышать ответ.

— Ты старый ноутбук видела? — выпалил он.

— Какой?

Голос — ровный. Слишком ровный. Как у человека, который уже привык к неожиданным вопросам посреди вечера и не удивляется ничему.

— Тот! Старый! Чёрный, с отваливающейся кнопкой! Я его ещё в Москве купил, лет десять назад!

Мария посмотрела на него. Долго. Так смотрят на человека, который спрашивает что-то очевидное, но не понимает, почему все его не понимают.

— Лёш, я не знаю. Я его вообще в глаза не видела, наверное. Ты же сам всё таскал, когда переезжали.

Она снова опустила глаза к книге. Пальцы — тонкие, с коротко стриженными ногтями (она перестала наращивать год назад, когда стало не до красоты) — плотно сжимали корешок. Не так, как держат книгу, когда читают. Так держат то, что может понадобиться как щит.

«Конечно, не видела», — подумал Алексей с раздражением. — «Она вообще ничего не видит. Живёт в своём мире — книги, сериалы, работа. Ей всё равно, где что лежит. Ей вообще всё равно».

Но тут же — укол чего-то другого. Не злости. Тоски.

«А ведь она не всегда такая была».

Он вспомнил — как они переезжали сюда, три года назад. Она тогда смеялась. Бегала по комнатам, прикидывала, где что будет. Глаза — другие. Тогда в них было что-то живое, тёплое, как огонь в камине. Сейчас — как угли после того, как огонь погас. Ещё тёплые, но уже не греющие.

Они были полны надежд на волне эйфории от продажи новой книги. Неожиданный успех кружил голову им обоим. Сейчас это кажется странным и далёким сном.

— Как не видела? — сказал он вслух, и голос получился резче, чем он хотел. — Он стоял в спальне! На полке! Ты ещё жаловалась, что он место занимает!

— Не жаловалась я, — тихо сказала Мария. — И не стоял он в спальне. Я бы запомнила.

Она подняла глаза снова — и на мгновение ему показалось, что сейчас она скажет что-то важное. Что-то, что копилось давно. Но она только моргнула — медленно, устало — и отвела взгляд.

«Не запомнила бы», — подумал Алексей. — «Ты уже ничего не запоминаешь. Тебе всё равно».

Но он знал — это неправда. Она просто устала. Три года без книги, три года долгов, три года обещаний, которые не сбывались. Она терпела. Терпела, потому что любила. Или потому что привыкла. Он уже не знал.

— Ну где же он, а? — Алексей развёл руками. — В воздухе, что ли?

— Не знаю. Спроси у себя. Ты же у нас единственный, кто

знает, где что лежит.

Она вернулась к книге. Не хлопнула ей — это было бы хуже. Просто перевернула страницу. Медленно. Так, словно он был прозрачным.

«Словно меня для нее нет», — подумал Алексей. — «Раньше она бросалась мне на шею, когда я входил в комнату. Раньше она спрашивала, как прошёл день, и правда слушала. А теперь — теперь она просто переворачивает страницу».

Он посмотрел на неё ещё раз. На то, как она сидит — сгорбившись, словно несёт что-то тяжёлое на плечах. На то, как держит книгу — не читает, а просто держит, чтобы занять руки. На то, как дышит — неглубоко, осторожно, как человек, который боится лишний раз вдохнуть, чтобы не разрушить что-то хрупкое.

Он понял, что злится на неё, без конкретики, просто на то, что она не та, что раньше.

— Ладно, — буркнул он. — Сам найду.

Он развернулся и пошёл. Не в кабинет. Не на кухню. А к задней двери — той, что вела в гараж.

За спиной — тишина. Ни звука. Даже страница не шуршит.

Он не обернулся.

Дом.

Их дом. Коттедж в пригороде Тулы — двадцать минут от

центра на машине.

Двухэтажный, из газобетона, с отделкой, которая уже начинала шелушиться. Крыша — металлочерепица, когда-то бордовая, теперь — выцветшая до цвета запёкшейся крови. Окна — пластиковые, но одно, на втором этаже, с трещиной, которую Алексей обещал заменить два года назад.

Участок — тридцать соток, хотелось побольше места, и побольше уединения. Купили в ипотеку, отдав за большой первоначальный взнос практически все гонорары с книги — той самой, что неожиданно выстрелила. Тогда казалось: это инвестиция, свобода, простор. А новые книги напишутся, долги закроются, жизнь наладится. Сейчас это кажется наивным. Ипотеку платит Маша — со своей зарплаты, с работы, которую ненавидит. Алексей должен был писать. Но не писал.

Забор — профнастил, зелёный, с ржавыми подтёками у основания. За забором — сосновый лес, который зимой становился чёрным и зловещим, как декорация к фильму ужасов.

Гараж — отдельный, в глубине участка. Двухсекционный. Первая часть — под машину. Машина стояла — старый «Форд Мондео», купленный ещё в Москве, с пробегом под двести тысяч. Алексей её берег — мыл раз в неделю, менял масло вовремя, но выглядела она всё равно уставшей: краска местами облезла, на бампере — трещина, которую он обещал заделать, салон потёртый, с многочисленными пятнами.

Машина заводилась, ехала, но в ней было что-то безнадежное — как в старом псе, который ещё бежит за палкой, но уже не рад этому.

Вторая часть гаража — комната отдыха. Когда-то Алексей представлял её как место, где можно смотреть футбол с друзьями, пить пиво, играть в приставку. Теперь — склад. Местом, где хранилось всё, что жалко было выкинуть: старые коробки, лыжи, которые никто не надевал с 2019 года, банки с краской, инструменты, которыми он не пользовался, потому что не умел.

И ещё — местом, где он мог побыть один.

Алексей толкнул дверь. Она скрипнула — петли давно не смазывал. Внутри — запах бензина, сырости, старой бумаги. Тусклая лампочка под потолком моргнула, зажглась неохотно, отбрасывая длинные, дрожащие тени от стеллажей.

Сначала — машина. Стояла молча, поблёскивая в полумраке стёклами, как слепые глаза. Алексей прошёл мимо, открыл дверь во вторую часть.

Комната — десять на пять метров. У стены — стеллажи, заваленные хламом. В углу — старый диван, обитый дерматином, с пружинами, которые впивались в спину. Рядом — стол, сколоченный из поддонов. На столе — настольная лампа, пепельница (Алексей бросил курить, но пепельница стояла, потому что отец подарил), ноутбук — тот самый, старый, чёрный, с отваливающейся кнопкой включения.

Алексей замер.

Вот он.

«Как я мог забыть?» — подумал он. — «Он же тут. Всё это время был тут».

Он подошёл. Провёл рукой по крышке — пыль, толстая, как войлок. Ноутбук был холодный. Мёртвый. Алексей нажал кнопку — та самая, что отваливалась. Она хрустнула под пальцем, но осталась на месте.

Экран не загорелся.

— Давай, — пробормотал Алексей. — Давай, сука, не подводи.

Он нашёл зарядку — в ящике стола, среди старых счетов и чеков. Подключил. Подождал. Минуту. Две.

Экран моргнул.

Появился логотип — старый, какой-то забытый бренд. Потом — рабочий стол. Обои — стандартные, какие-то холмы. Иконки — пыльным слоем. Жёсткий диск внутри корпуса тихо, нутужно заскрежетал, раскручивая старые пластины.

Алексей сел на диван. Пружины взвизгнули. Пододвинул ноутбук на колени.

Начал рыться.

«Мои документы» → «Работа» → «Черновики».

Папки не было.

«Мои документы» → «Архив».

Пусто.

Алексей почувствовал, как в груди поднимается паника.

Та самая, холодная, липкая, как паутина на лице.

«Их тут нет», — подумал он. — «Я их удалил. Или потерял. Или они вообще никогда сюда не попадали. И я никогда не найду то, что искал».

Он начал открывать папки одну за другой. Быстро, нервно, пропуская половину. «Фото», «Фильмы», «Музыка», «Налоги 2015», «Налоги 2016»...

И вдруг — замер.

В самом низу списка, в папке «Разное», которую он обычно не трогал, — файл.

«Безмолвие_основа.docx».

Алексей не дышал.

Вот он.

Тот самый.

«Безмолвие» — его первая серьёзная попытка написать настоящий роман. Ранние пробы пера, которые он бросил ещё до переезда, когда жил в Москве, в съёмной квартире. Тот, который писал два года. Тот, который бросил на середине, потому что не знал, как закончить. Тот, который, как ему казалось, должен был сделать его настоящим писателем.

С тех пор он написал и опубликовал другую книгу — ту, что выстрелила. Но «Безмолвие» осталось незавершённым. Как заноза. Как напоминание о том, что он не доводит дела до конца.

Три года он не открывал этот файл. Даже не думал о нём. Алексей навёл курсор. Палец завис над кнопкой мыши.

«Не надо», — сказал что-то внутри.

«Надо», — ответил он.

Двойной клик.

Файл открывался долго. Ноутбук — старый, медленный — задумался, словно ему было тяжело переваривать что-то из прошлого.

Экран моргнул.

И — Алексей почувствовал.

Воздух в гараже внезапно стал плотнее. Как перед грозой — когда давление падает, и закладывает уши. Пахнуло пылью. Не гаражной, не машинным маслом, не сыростью. Старой. Книжной. Той, что бывает в закрытых на десятилетия шкафах, в архивах, в склепах.

И — шелест.

Тихий, сухой. Как будто кто-то перелистнул страницу в пустой комнате.

Алексей медленно обернулся, чувствуя, как по спине бежит холодок.

Никого.

Машина — на месте, поблёскивает слепыми стёклами. Стеллажи — на месте. Дверь — закрыта.

Но запах — остался. Он висел в воздухе, тяжёлый и чужой. А на затылке — осталось ощущение взгляда. Тихого. Ровного.

Алексей сглотнул и повернулся к экрану.

Текст — появился.

ГЛАВА 2. ПЕРВЫЙ ЗНАК

Текст появился.

Алексей наклонился ближе. Экран старого ноутбука мерцал — тускло, неровно, как свеча на сквозняке. Буквы — его. Times New Roman, двенадцатый кегль. Тот самый, который он выбрал пять лет назад, потому что «так солиднее выглядит».

Начало — его.

«Дом стоял на холме, как старый стражник, переживший все войны и забывший, зачем его поставили. Стены — из тёмного камня, покрытого лишайником, который по ночам казался живой кожей. Крыша провалилась в двух местах, и сквозь дыры было видно небо — низкое, серое, будто кто-то натянул над миром грязное одеяло».

Алексей кивнул. Да. Это он. Этот наивный, старательный стиль. Эти лишние прилагательные. Эта попытка казаться глубже, чем он есть. Он помнил, как писал это — в съёмной квартире, на старом столе, с пепельницей отца рядом. Тогда ему казалось, что он пишет шедевр. Сейчас — казалось, что он пишет пародию на шедевр.

«Отец бы сказал — 'недоделано'», — подумал он вдруг. — «Отец всегда говорил: 'Если не можешь доделать — не начинай'. А я начал. И не доделал. Как и он».

Он отогнал мысль и стал читать дальше. И с каждой стро-

кой — что-то в груди сжималось. Не от стыда. От узнавания. Как будто он встретил человека, которого забыл, но который помнил его.

Прокрутил вниз. Быстро, пропуская абзацы. Глава третья. Пятая. Восьмая. Герой — писатель (конечно, писатель) — въезжает в дом. Находит в подвале странные записи. Начинает слышать шёпот по ночам.

«Он просыпался в три часа ночи. Каждый раз — в три. Как будто кто-то заводил будильник внутри его головы. Шёпот начинался сразу — тихий, неразборчивый, как радио, пойманное между станциями».

Да. Это он. Он помнил, как придумал эту деталь — в три часа ночи. Потому что сам просыпался в три. Каждый день. Уже пять лет.

Алексей усмехнулся. Криво. Горько.

«Писатель — это же я», — подумал он. — «Конечно. Кто ещё мог писать про писателя, который сходит с ума в старом доме? Это же клише. Это же пошлость. Но тогда мне казалось — это гениально».

Он пролистал ещё. Глава десятая. Одиннадцатая.

И — замер.

Глава двенадцатая.

Та самая, на которой он бросил. Пять лет назад.

«Он стоял в коридоре и слушал. Дом дышал. Не метафорически — буквально. Стены ходили ходуном, как грудь спящего гиганта, и где-то за обоями, в темноте, которую не

брал ни один фонарик, что-то шевелилось».

Да. Вот тут он остановился. Он помнил. Он переписывал этот абзац одиннадцать раз. И в итоге бросил, потому что понял — не знает, что делать дальше.

Но под абзацем — было ещё.

Три строки.

Алексей наклонился ближе.

И — почувствовал.

Холодок. Не от окна. Не от сквозняка. Откуда-то из-за спины. Как будто кто-то стоял там, в темноте гаража. Дышал ему в затылок. Тихо. Ровно.

Он замер, чувствуя, как по позвоночнику бежит ледяная искра. Медленно обернулся.

Пусто.

Только пепельница отца. Только пыльный ноутбук. Только чернота за окном, в которой прятался сосновый лес.

Но холодок — остался. И — запах. Старой, слежавшейся бумаги. Той самой, что бывает в закрытых на десятилетия шкафах.

Алексей сглотнул, заставляя себя снова посмотреть на экран.

Прищурился. Буквы — те же. Times New Roman, двенадцатый кегль. Но что-то в них было не так. Может, чуть более ровные. Чуть более... чужие.

«Сосед за стеной — тот, что всегда парковал свою красную 'Тойоту' у подъезда, — в эту ночь не вернулся домой.

Его нашли утром на обочине шоссе, в трёх километрах от города. Рука сломана. Машина — в хлам. На лобовом стекле — трещина в форме звезды».

Алексей не дышал.

Он прочитал ещё раз.

И ещё раз.

«Сосед за стеной — тот, что всегда парковал свою красную 'Тойоту' у подъезда...»

Он поднял глаза. Посмотрел в окно кабинета — нет, это был старый кабинет, в съёмной квартире. Но он помнил. Сосед. Красная «Тойота». Парковался у подъезда. Каждый вечер.

Но сейчас — он живёт не в квартире. Сейчас он живёт в коттедже. В пригороде Тулы. У него участок тридцать соток. У него нет соседей за стеной.

«Это бред», — подумал он. — «Это старый текст. Это из того времени, когда я жил в квартире. Это просто... воспоминание. Глюк. Файл сохранился с пометками, которые я потом удалил. Или не удалил. Или...»

Он не закончил мысль.

В груди снова поднялось знакомое липкое чувство, похожее на паутину.

«Красная 'Тойота'».

Он посмотрел в окно. В гаражное окно — маленькое, пыльное, с трещиной в углу.

Там — во дворе — стояла красная «Тойота».

Соседа.

Того самого, лысоватого мужика с пивным животом, который всегда парковался под фонарём. Который здоровался, но не разговаривал. Который мыл машину по субботам — старательно, медленно, как будто это был ритуал.

Красная «Тойота». На месте.

«Совпадение», — сказал Алексей вслух. Голос прозвучал чужим. — «Просто совпадение. Я пять лет назад описал красную 'Тойоту'. И сейчас у соседа — красная 'Тойота'. Это... это нормально. Красных 'Тойот' — много. В Туле — точно сотни».

Он засмеялся. Коротко. Нервно.

Но смех застрял в горле.

Потому что он вспомнил.

«На лобовом стекле — трещина в форме звезды».

Он посмотрел на машину соседа. В полумраке — не разглядеть. Но утром — он проверит.

«Нет», — подумал он. — «Нет. Это бред. Это я устал. Это я спятил. Это... это просто старый текст. Я его написал. Я. Пять лет назад. И сосед — это просто сосед. Красная 'Тойота' — это просто машина. Трещина — это просто трещина».

Он посмотрел на пепельницу. На ту самую, что отец подарил. Пустую. Но стоящую. Как напоминание.

«Отец бы сказал — 'не выдумывай'. Он всегда так говорил. 'Не выдумывай то, чего нет'».

Он выделил абзац. Нажал Delete.

Текст исчез.

Алексей сохранил файл. Закрыв ноутбук. Крышка щёлкнула — сухо, окончательно.

Он сидел. Смотрел на крышку. На пыль. На свои руки — холодные, с дрожащими пальцами.

«Это бред», — повторил он. — «Просто бред».

Встал. Пружины дивана взвизгнули. Вышел из гаража. Закрыв дверь.

Во дворе — темно. Только фонарь горит — тот самый, под которым паркуется сосед. Красная «Тойота» — поблёскивает в его свете. Как глаз. Как чужой, немигающий глаз.

Алексей отвёл взгляд.

Пошёл в дом.

Мария уже спала.

Он зашёл в спальню тихо — на цыпочках, как преступник. Она лежала на боку, укрывшись одеялом до подбородка. Дышала ровно. Волосы — распущены, рассыпаны по подушке. Лицо — спокойное. Почти — мирное.

Алексей разделся. Тихо. Рубашка — на стул. Джинсы — на пол. Трусы — в корзину для белья (Маша ругалась, если он бросал их куда попало).

Лёг.

Мария не шевельнулась.

Он смотрел в потолок. В темноте — только тусклый свет от уличного фонаря, пробивающийся сквозь щель в шторах. Полоска — на потолке. Как шрам.

«Это бред», — думал он. — «Я устал. Я просто устал. Три года без книги. Три года долгов. Три года... всего. Ипотека — пятьдесят тысяч в месяц. Я должен был писать. Но не писал. Я выгорел. Я сплю по четыре часа. Я ем через раз. Я... я просто устал».

Но в груди — не отпускало.

«Красная 'Тойота'. Трещина в форме звезды. Сломанная рука».

Он закрыл глаза.

И увидел.

Не сон. Не воспоминание. Что-то между.

Дорогу. Ночную. Пустую. Шоссе — за городом. Асфальт — мокрый, блестящий, как кожа. Фонари — редкие, тусклые.

И красную «Тойоту».

Она летит. Быстро. Слишком быстро. Водитель — не виден. Только силуэт. Но Алексей знает — это сосед. Лысоватый. С пивным животом. В клетчатой рубашке — той самой, в которой он моет машину по субботам.

Машина — виляет. Выходит на встречу.

И — удар.

Не громкий. Тихий. Как будто что-то хрустнуло. Как будто сломалась ветка. Только — больше. Тяжелее.

Машина — в кювете. На боку. Лобовое стекло — разбито. Трещина — в форме звезды.

И — тишина.

Алексей открыл глаза.

Сердце — колотится. Лоб — влажный. Простыня — под ним — мокрая.

Он сел. Резко.

Мария заворочалась.

— Лёш? — пробормотала она. — Ты чего?

— Ничего. Спи.

— Тебе плохо?

— Ничего. Просто... приснилось.

Она помолчала. Потом — перевернулась на другой бок. И всё.

Ни вопроса. Ни «что приснилось». Ни «хочешь воды».

Просто — перевернулась.

«Раньше — спросила бы», — подумал Алексей. — «Раньше — встала бы. Обняла бы. А теперь — просто переворачивается. Что-то потерялось за эти годы. Что-то сломалось в нас».

Алексей смотрел в потолок. Полоска света — на нём. Как шрам.

«Это бред», — повторил он. — «Просто бред. Просто сон. Просто...»

Он не уснул до утра.

Утро пришло — серое, мокрое, ноябрьское.

Алексей встал раньше будильника. В шесть. Под глазами — мешки. Во рту — вкус меди.

Мария ещё спала. Он оделся тихо. Вышел из спальни. За-

крыл дверь.

На кухне — налил себе кофе. Чёрный, без сахара. Кружка — горячая, обжигала пальцы. Он пил — и не чувствовал.

Подошёл к окну.

Во дворе — светло. Настолько, насколько бывает светло в ноябре в пригороде Тулы. Серое небо. Мокрый асфальт. Сосновый лес за забором — чёрный, мокрый, зловещий.

И — красная «Тойота».

На месте.

Под фонарём.

Целая.

Алексей выдохнул.

«Видишь? — сказал он себе. — Целая. Ничего не случилось. Это был просто сон. Просто бред. Просто...»

Он допил кофе. Поставил кружку в раковину.

И тут — услышал.

Голоса.

Снаружи.

Не один — несколько. Мужские. Взмолнованные.

Алексей подошёл к окну. Прижался лбом к холодному стеклу.

У забора — двое. Сосед — тот самый, лысоватый — и какой-то мужчина в куртке МЧС. Они о чём-то говорят. Жестикулируют.

Алексей не слышал слов — стекло толстое. Но он видел.

Сосед — хромает. Левая рука — на перевязи. Свисает,

как плоть.

Алексей замер.

Кружка — в руке — дрогнула. Кофе — плеснул на за-
пястье. Обжёг. Но он не почувствовал.

«Нет», — подумал он. — «Нет. Это... это не... это не...»

Он открыл окно.

Холод — ударил в лицо. Мокрый, ноябрьский, с запахом
прелой листвы и бензина.

— Сергей? — крикнул он.

Сосед поднял голову. Увидел Алексея. Махнул рукой —
той, что цела.

— Лёш! Доброе утро!

— Ты... ты в аварию попал?

Сосед усмехнулся. Криво. От боли, наверное.

— Да вот, беда. Ночью. На шоссе. Кто-то выскочил — я
на встречу, потом в кювет. Хорошо, что живой.

— Рука...

— Сломал. Локтевая. Врачи говорят — неделя в гипсе,
потом реабилитация.

Алексей молчал.

Потому что он смотрел на машину.

Красная «Тойота». Стояла у забора. Переднее левое кры-
ло — смято. Фара — разбита. Бампер — треснул.

И лобовое стекло.

Трещина.

В форме звезды.

Алексей закрыл окно.

Тихо. Медленно. Как будто боялся, что если закроет резко — что-то случится.

Он стоял. Смотрел на кухню. На кружку в раковине. На кофе, который остывал.

«Это совпадение», — сказал он себе. — «Это просто совпадение. Я пять лет назад написал про красную 'Тойоту' и трещину в форме звезды. И сейчас — у соседа красная 'Тойота' и трещина в форме звезды. Это... это нормально. Это... это...»

Он не мог придумать, что.

Потому что в груди — поднималось что-то. Холодное. Липкое. Как паутина.

«Сломанная рука. Локтевая. Неделя в гипсе».

Он перечитал в памяти «дописанный» абзац.

«Рука сломана. Машина — в хлам. На лобовом стекле — трещина в форме звезды».

«Совпадение», — повторил он. — «Просто совпадение».

Но голос — дрогнул.

Мария вышла на кухню — через полчаса. В халате, с застывшим лицом, с волосами, собранными на скорую руку.

— Доброе утро, — сказала она. Тихо. Без улыбки.

— Доброе, — ответил Алексей.

Она наливала себе чай. Молча. Алексей стоял — тоже молча. Смотрел, как она открывает шкафчик, достаёт чашку, кладёт пакетик, заваривает.

— Сосед в аварию попал, — сказал он вдруг.

Мария подняла глаза.

— Какой сосед?

— Ну... тот, лысоватый. С красной «Тойотой».

— А. — Она помолчала. — Серьёзно?

— Да. Ночью. На шоссе. Руку сломал.

— Бедняга. — Она сделала глоток чая. — А ты откуда знаешь?

— Голоса услышал. Вышел посмотреть.

Мария кивнула. Поставила чашку на стол. Села.

— Лёш... — начала она. — Ты странно выглядишь.

— Нормально.

— Ты бледный.

— Не выспался.

Она посмотрела на него. Долго. Тем взглядом — усталым, напряжённым, который он видел вчера. Тем, в котором было всё — и усталость, и терпение, и что-то ещё.

— Ты что-то знаешь, — сказала она. Не вопрос. Утверждение.

Алексей замер.

— Что?

— Ты... — она замаялась. — Ты вчера вечером... странно себя вёл. Когда нашёл ноутбук. Ты был... какой-то... сам не свой.

— Я устал.

— Лёш.

Она посмотрела на него. Прямо. В глаза.

— Ты что-то знаешь про соседа?

Алексей молчал.

Потому что он не знал — что сказать. Сказать правду? «Я вчера прочитал в старом файле, что сосед попадёт в аварию. И он попал»? Она не поверит. Она подумает, что он сошёл с ума. Или — что это он подстроил.

«Отец бы сказал — 'молчи'. Он всегда так говорил. 'Молчи — и никто не узнает, что ты слабак'».

— Нет, — сказал он. — Просто... услышал. Утром. Голова.

Мария смотрела на него. Долго.

Потом — отвела взгляд.

— Ладно, — сказала она. — Как скажешь.

Она встала. Взяла чашку. Пошла в гостиную.

Алексей стоял. Смотрел ей в спину.

«Она не верит», — подумал он. — «Она не верит, что я просто услышал. Она думает... она думает, что я что-то скрываю».

И он понял — она права.

Он что-то скрывает.

Он вернулся в гараж — через час.

Мария уехала на работу. Дом — пустой. Тихий. Только холодильник гудит на кухне. Только где-то далеко тикают часы — те, что Маша купила на распродаже в ИКЕА пять лет назад.

Алексей сел на диван. Пружины взвизгнули. Открыл ноутбук.

Файл «Безмолвие_основа.docx» — открыт.

Он посмотрел на главу двенадцатую.

Того абзаца — про соседа — больше не было. Он его удалил.

Но был другой.

Чуть ниже. Тоже три строки. Тоже — чужим стилем.

И — снова это ощущение.

Воздух в гараже вдруг стал плотнее, вязче. Шелест — на этот раз отчётливее, будто кто-то не просто перелистнул страницу, а провёл сухими пальцами по шершавому картону. Запах усилился: старая бумага, пыль и что-то сладковатое, тошнотворно-знакомое. Запах отцовской мастерской. Запах его детства.

Затылок покрылся мурашками: он снова ощутил на спине чужой, тяжёлый взгляд.

«Оно здесь», — подумал он. Сердце сбилось: кто-то словно наблюдал за ним, пока он читал.

Он не обернулся: боялся увидеть нечто, чему не нашёл бы объяснения, и заставил себя вчитаться в экран.

«Редактор Виктор Петрович в тот вечер возвращался домой пешком. Шёл по набережной, курил. Ветер сорвал с головы шляпу — старую, серую, которую он носил двадцать лет. Он нагнулся поднять — и не выпрямился».

Алексей медленно выдохнул.

Виктор Петрович. Его редактор. Первый редактор. Человек, который поверил в него, когда все остальные говорили: «Молодой, сырой, пусть попишет для журналов». Виктор Петрович, который приходил к ним на новоселье, пил с ним коньяк, и восхищённо поддразнивал его, бросая взгляд на Машу: «ваша жена — святая».

Но Виктор Петрович не носил шляпу. Никогда. Он носил кепку. Кожаную, с козырьком, которую купил в девяностых.

«Это не про него», — подумал Алексей. — «Это про кого-то другого. Это... это просто текст. Просто выдумка».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.